

Алмаз Хафизов

Проклятые не умирают

Алмаз Хафизов
Проклятые не умирают

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43435563

ISBN 9785005017314

Аннотация

Король южных провинций Мирад вынужден искать военную поддержку на севере и отправляется в долгий путь со своими рыцарями. От этого союза, возможно, зависит исход войны с мятежниками.

Проклятые не умирают

Алмаз Хафизов

© Алмаз Хафизов, 2019

ISBN 978-5-0050-1731-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

– За что это вы его так? – спросил Мирад плотного старосту в белой рубахе и с желтым поясом, опоясывающим его круглое пузо. – Что сделал этот несчастный, чтобы быть прикованным к позорному столбу?

Староста замялся. Он имел манеру чесать себе затылок, смешно пододвигая шляпу на лоб и тем самым тянуть время, чтобы придумать наиболее угодный для владыки ответ.

– Так ведь, это... – начал он, повторяя свой ритуал. – Курей он тырил, ваше величество. Поймали прямо-таки за руку, когда этот проходимец в чужой курятник залез.

– В таком случае, почему его руки все еще при нем?

– Так ведь, это, ваше величество, по первой поймали. Хороший он малец, видать, бес попутал. Матушка у него больная. Ничего кроме бульона куриного в рот не берет и ходит под себя.

На сей раз староста не ограничился почесыванием загрив-

ка, а стянул мокрую от пота шляпу, протер им лицо и водрузил его обратно на свою макушку как флаг над бастионом.

– А что же он сам кур не разводит? – продолжал спрашивать король.

Он восседал на высоком жеребце, который не был в восторге от стояния смирно. Конь топтался на месте, утрамбовывая под собой грунт, громко фыркал и требовал от седока команд.

– Ну, это, своих то курей паренек сварил давно, вот и взялся за соседские. Ну, так, мы его и приковали, чтобы уразуметь маленько. – Староста перебирал ногами не хуже жеребца его величества.

Визит королевской свиты в деревушке был как гром среди ясного неба, и он прибывал в полной растерянности от заполнявших всю площадь групп всадников, фургонов и карет. Блестели на солнце многочисленные доспехи и шлемы солдат, фыркали лошади, и развивались штандарты. Если бы не броня рыцарей, то кавалькада состояла бы преимущественно из красных и белых оттенков.

Мирад спрыгнул с коня, поправил на поясе широкий двуручный меч и поставил могучие руки на пояс. Он был гораздо крупнее старосты и на целую голову выше. Каждое сказанное им слово гремело в ушах словно оно доносилось из большого пустого чана:

– Я правильно тебя понял, бургомистр? Запомню как тебя звать?..

– Это, Гарваль, ваше величество.

– Ах, да. Гарваль, как считаешь, правильно ты поступил с этим бедолагой? Правильно ли ты поступил с тем, кому необходима помощь и поддержка в трудное время?

Староста решил промолчать, подозревая, что на эти вопросы нет нужды давать ответ. Не зная куда девать свои руки, он опустил голову, снова снял с лысой макушки шляпу и прикрыл им пах, держась за край головного убора обеими руками. Волосы у старосты были только по бокам, а темя испещрено множественными волдырями то ли под воздействием солнца, то ли из-за гадкой болячки.

– Я не совсем понимаю, ваше величество, – наконец выговорил староста, вдруг осознав, что пауза слишком растянулась. – Война ведь идет. Чем мы будем кормить наших солдат, если они явятся за провизией?

Мирад приблизился к старосте в плотную и ему пришлось сделать шаг назад. Показалось, будто пред ним выросла стена.

– Погибать на войне – это великая честь, Гарваль, – сказал он, подняв указательный палец перед его лицом. – Этот юнец вполне способен взяться за оружие для защиты своего дома от врагов, а ты своими собственными руками доводишь его до истощения. Смерть от голода – худшая из смертей.

Пока владыка произносил свою короткую поучительную речь, кто-то из мальчишек, бегающих по улице, швырнул в прикованного комком грязи и, попав тому прямо в висок,

захихикал и побежал к остальным, очевидно, чтобы похвастаться своей меткостью.

– А ну-ка брысь отсюда! – крикнул Гарваль уже убегающей детворе и отряхнул свои штаны от отлетевших брызг.

Сорванцы разбежались кто куда.

– Как тебя зовут, парень? – спросил король у прикованного и заляпанного грязью крестьянина.

– Подними свой котелок, когда к тебе обращается его величество! – опередил староста, шлепнув парня по голове своей шляпой.

Оборванец замотал головой, сплюнул себе под ноги, пытаясь освободить рот от застрявших между зубами нечистот и поднял глаза. Вернее, один глаз, потому что второй был заляпан, а отряхнуться он не имел возможности из-за зажатых между деревяшками рук.

– В-васик, ваше величество.

– Дайте ему воды.

Один из рыцарей ловко спешил, снял с пояса флягу и дал оборванцу попить. Тот сделал несколько быстрых глотков, поперхнулся и пока кашлял, выплеснул половину воды на землю.

– Мы, это, даем ему воду, ваше величество, – поторопился оправдаться староста, заметив презрительный взгляд в свою сторону.

Однако Мирад обратился к юноше:

– Вот что, Васик, если ты ворует у соседа, значит во-

руешь у своего короля. Никаких оправданий для кражи нет и быть не может. Уяснил?

Оборванец несколько раз кивнул на сколько это позволили сделать кандалы.

– Чем больна твоя матушка, Васик?

– Белый паралич, ваше величество. Полгода уж как борется. Я не хотел красть. Просто. Просто матушку жалко у нее ведь никого кроме меня не осталось, а брат мой на войне погиб.

– В деревне есть лекарь? – спросил Мирад обращаясь уже к старосте.

– Есть травник, но он не смог ничем помочь старухе. Говорит, мол, не лечится этот самый белый паралич...

Недуг был известен тем, что полностью лишал больного возможности двигаться, сковывая все группы мышц и не позволяя прожевывать твердую пищу. Когда пораженный белым параличом переходил на лежачий образ жизни, его кожа становилась мертвецки-бледной и сухой. Лицо человека каменело и «превращалось» в мрамор. Отсюда и происходило его название.

Магистры медицины многие годы пытались найти панацею от белого паралича, но пока попытки не увенчались большим успехом. Им даже не удалось выяснить причину появления этого недуга.

– Лекарь нужен парню, остолоп! – вдруг взорвался король. – У него рана гноится!

Если бы фразой «остолоп» можно было врезать человеку по голове, то староста уже валялся бы в грязи без сознания. Гарваль съежился, словно пытался спрятать голову в плечи как черепаха и уже не рискнул что-либо ответить.

– Где служил твой брат, сынок?

– В коннице, ваше величество, он с детства лошадьми увлекался. Сказали, что его проткнули пикой, когда они гнали мятежников на другой берег Инты. Не трус и не дезертир. Просто не повезло.

Васику стоило большого усилия удерживать побитую голову, и он снова уронил взгляд на свои сапоги. За время своего наказания парень успел несколько раз обмочиться и от него разило за несколько метров. Хотя ему, вероятно, было это безразлично.

– Васику освободить, – произнес Мирад уже привычным басом. – Мой лекарь его осмотрит и заштопает если необходимо. А матушке собрать еды и обеспечить уход. Бабы ведь найдутся в деревне способные?

– Это, найдутся, ваше величество. Еще что-нибудь? – спросил староста, поняв, что самое время подхалимствовать.

– Поговори с квартирмейстером, он скажет какие запасы пополнить до завтрашнего утра. Мы двинемся с рассветом.

Раскинув широкие плечи и придерживая меч левой рукой, Мирад направился в сторону белой кареты, где находились его супруга королева Кассандра и дочь – принцесса Хельма.

– И еще, – сказал он, оборачиваясь в сторону старосты, который уже возился с замком от кандалов. – Сообрази моей семье хороший ужин, а то от дорожной похлебки уже воротит.

– Да, ваше величество, – ответил староста чуть громче чем намеревался и наконец сорвал замок с ненавистного механизма.

У Васи́ка подкосились ноги, и он упал; а когда староста хотел направиться вслед за королем, чуть не споткнулся об него, грязно выругался, сплюнул и побежал дальше, не обращая внимания на подоспевшего лекаря. Тому пришлось сделать небольшой финт, чтобы не столкнуться с бургомистром. Несколько рыцарей в латах тоже двинулись за монархом, ткнув лошадей каблуками в бок.

– Повезло тебе, – сказал лекарь, выкладывая из кожаной сумки какие-то баночки. – Так ведь и подохнуть можно на солнце.

– Угу повезло, – буркнул Васик, стараясь руками разогнать застоявшуюся кровь на запястьях. – Ваш великодушный король снизошел до простого смертного.

Васик пошевелил головой, помассировал шейные позвонки, которые гудели

от зажимавшего их деревянного приспособления, затем попытался отчистить с лица грязь. Он еще не осознавал, что сделало солнце и антисанитария с его рассеченной щекой. Глубокая рана проходила от скулы до самого уголка рта.

– Кто это тебя так приложил? – спросил лекарь, промывая рану тряпкой, смоченной в чем-то зловонном.

Зловоннее был только запах самого пациента.

Когда медик закончил, Васик увидел, что на тряпке остались обильные желтые пятна и ему стало не по себе.

– Я что гнию? Этот поганый мальчишка уже второй день меня дерьмом закидывает. Вот поймаю и уши ему на затылке завяжу. И откуда только в детях столько жестокости?

– Гниешь, но самую малость. Поверь, я видел повреждения куда страшнее. Так кто это тебя?

– Вран. Сын кузнеца. Саданул меня подковой так, что я очухался уже прикованный раком к столбу. У него и так-то кулачища как моя голова, так он к тому же с подковой. Иди-от.

Лекарь налил что-то прозрачное в небольшую колбу и протянул Васику.

– На выпей. До дна.

– Что это? Пахнет как конская моча.

– Пей говорю.

Васик задержал дыхание и вылил содержимое колбы себе в рот. Он тут же сморщился, словно выпил прокисшее молоко. Жидкость пробежала по гортани, обжигая изнутри и нагоняя небольшие рвотные позывы.

– Ну и дрянь, – сказал Васик, сделав последний глоток. – Что это, костоправ?

– Как что? Конская моча, – усмехнулся тот. – Это нужно

чтобы ты не орал на всю улицу пока я буду тебя зашивать.

– Ясно, – проговорил пациент, насупившись. – Можно было не спрашивать.

Он с нескрываемым интересом наблюдал, как лекарь вставляет тонкую нитку в искривленную иголку. Иглы, в свою очередь, хранились у него в другой колбе, с налитой в него зеленой жидкостью. Все расположено в сумке в строгом порядке и регулярности их использования: от бинтов до самых редких эликсиров.

– Как вы здесь оказались, костоправ? Куда двигаетесь? – спросил Васик.

– Разве ты не в курсе? Король южных провинции Мирад выдает замуж свою младшую дочь Хельму за сына короля севера. Уж неделю мы в пути.

– Ага, а я дурень думал опять с войной. Мало ведь крови пролито.

– У тебя, я слышал, погиб брат. Я соболезную. Увы, война есть война. На войне принято умирать.

– Да я знаю. Все из-за треклятых мятежников и их предводителя. Вот только ни один мятежник нас еще не грабил так, как делает это король, собирая дань и отправляя на фронт.

– Поверь мятежники если доберутся к вам, то камня на камне не оставят. Тебя и мать зарежут, девок изнасилуют, а дома сожгут. Я их видел они настоящие дикари.

– Угу. Вот только на войне гибнут солдаты, костоправ, а не короли. Те только наблюдают со стороны и смотрят

на свои карты с фигурками. Я обманул насчет своего брата. Он не был ни героем, ни воином, о ком обычно слагают легенды. Обычный трус и погиб смертью труса.

– Ложись на спину, – скомандовал лекарь, прикладывая свою ладонь под голову пациента.

Он повернул его голову так, чтобы было удобно зашивать; потом принялся ловко орудовать иголкой, прижимая края раны друг к другу.

– Ай, больно! Твою мать! – завопил Васик, стискивая зубы, но стараясь при этом не двигать головой, потому как иголка плясала прямо перед его глазом. – Ты же сказал, что больно не будет. Ай, проклятие!

– Терпи, – сказал лекарь, продолжая шить. – Без обезболивающего ты бы уже откусил язык.

– Потреплю, если принцесса Хельма мне потом покажет свои прелести. Ай, сука!

– Зачем ты соврал королю? Тебя же могут повесить за это.

Способность разговорить пациента – один из важных качеств хорошего лекаря. По крайней мере, так утверждал преподаватель хирургии магистр Дреус.

– У меня был один случай, когда солдату пришлось сделать тридцать четыре шва. Ему рассекли бердышом ягодицу поперек. У всех задница поделена на два, а у него на четыре. Видел бы ты это зрелище. Кричал он так, будто его рожают второй раз.

– Умеешь ты поддержать, костоправ, – усмехнулся Васик,

строю на лице самые сложные гримасы. – Ваш король должен знать, как у воинов ломаются жизни из-за их ненужной войны. Потому и соврал я. Пусть вешает меня, мне все равно. Моего брата застрелили из лука свои же, когда он пытался дезертировать. Тока ты не говори никому. Не порочь его доброе имя.

– Не буду. Но тебе ведь не все равно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.